

Тома Феликс

**Внушение: Его значение в
воспитании**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф38

Ф38 **Феликс Т.**
Внушение: Его значение в воспитании / Тома Феликс – М.: Книга по Требованию, 2025. –
126 с.

ISBN 978-5-519-77291-4

ISBN 978-5-519-77291-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВНУШЕНІЕ.

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ВОСПИТАНІИ.

ЧАСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія основанія.

I. Всякая идея есть сила, слѣдовательно начало дѣйствія. — II. Движущая сила идеи измѣняется сообразно тому чувственному элементу, съ которымъ она соединена: различные эффекты эмоціи. — III. Борьба идей между собою. — IV. Объ ассоціаціи идей, ассоціаціи движеній и ассоціаціи идей съ движеніями. — V. Планъ этого очерка.

Одна изъ главныхъ заслугъ современной экспериментальной психологіи состоитъ въ томъ, что она не только описала съ большею точностію, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, механизмъ умственной жизни, но еще и указала намъ болѣе ясно тѣсныя отношенія, соединяющія ее съ жизнью органической. Безъ сомнѣнія, эти отношенія уже съ давняго времени обращали на себя вниманіе философовъ: уже Сократъ указывалъ своимъ ученикамъ на постоянное взаимодействіе физической и моральной стороны жизни; Аристотель и его средневѣковые комментаторы старались уяснить результаты этого

взаимодѣйствія, и мы знаемъ, что Боссюэтъ опредѣлялъ человѣка, какъ «естественное цѣлое», состоящее изъ двухъ отдѣльныхъ частей, находящихся «въ совершенной и необходимой связи». Однако, законы этого соединенія, также какъ и самые общіе законы, которымъ подчинена мысль, были отчетливо выдѣлены и формулированы только современными психологами. Между тѣмъ, именно знаніе этихъ законовъ повело къ преобразованію педагоги, которая все болѣе получаетъ характеръ науки, имѣющей опредѣленные принципы, вѣрный методъ и обоснованныя приложенія.

I.—Первый и самый важный изъ этихъ законовъ ¹⁾ состоитъ въ томъ, что всѣ состоянія нашего сознанія, каковы бы они ни были и имѣютъ ли они или нѣтъ свою непосредственную причину въ какомъ-нибудь мозговомъ движеніи, вліяютъ на организмъ и стремятся получить свое внѣшнее выраженіе въ видѣ явленій, подлежащихъ наблюденію чувствъ. Это и выражаетъ одинъ современный философъ, говоря, что *всякая идея есть сила, слѣдовательно начало дѣйствія*. Въ самомъ дѣлѣ идея, какъ онъ справедливо замѣчаетъ ²⁾, не должна быть приравнена къ простому представленію, къ пассив-

¹⁾ Мы не можемъ имѣть въ виду перечислить здѣсь всѣ эти законы; мы хотимъ просто выставить тѣ изъ нихъ, предварительное знакомство съ которыми намъ кажется необходимымъ, для того чтобы ясно понять явленія внушенія.

²⁾ См. Фулье: *Evolutionisme des idées-forces* и *Psychologie des idées-forces* (Paris, F. Alcan).—„Всякое интеллектуальное состояніе, говоритъ въ томъ же смыслѣ г. Рибо, сопровождается опредѣленными физическими проявленіями. Мысль не есть, какъ это многіе признаютъ еще по традиціи, событіе происходящее въ мірѣ сверхчувственномъ, эфирномъ, неуловимомъ. Мы повторимъ вмѣстѣ съ Сѣченовымъ: „Нѣтъ мысли безъ выраженія“, т.-е. *мысль есть слово или дѣйствіе въ зачаточномъ состояніи, или начинающаяся мускульная дѣятельность*“ (*Le Mécanisme de l'attention, Revue philosophique*, 1887, t. II).

ному образу вещей, она одновременно есть «и эмоція, и желаніе, и дѣйствіе»; она предполагаетъ всегда существованіе дѣятельности, стремящейся найти себѣ выраженіе, силы, стремящейся перейти въ дѣйствіе и произвести движеніе тѣла ¹⁾).

Эта двигательная сила идеи особенно явственна у дѣтей. На ихъ удивительно подвижной фізіономіи отражаются тотчасъ, по мѣрѣ ихъ появленія, всѣ ихъ внѣшнія состоянія. Ихъ взглядъ, то затуманивающійся, то оживляющійся, ихъ позы, движенія—все свидѣтельствуешь о работѣ, совершающейся въ ихъ умѣ. Думать объ игрѣ или объ ученіи для нихъ значитъ уже въ самомъ дѣлѣ играть или учиться. Для насъ достаточно впрочемъ наблюдать юнаго ученика, когда, сидя одинъ за своимъ письменнымъ столомъ, онъ предполагаетъ, что никакой учитель за нимъ не смотритъ: размышляетъ ли онъ о заданномъ ему урокѣ, или объ ожидающихъ его удовольствіяхъ, тотчасъ мы узнаемъ объ этомъ по самымъ явнымъ знакамъ, представляемымъ его движеніями. Если, напротивъ, онъ рассказываетъ какую-нибудь сцену, при которой онъ присутствовалъ, то онъ безсознательно представляетъ ее въ лицахъ. Совершенно то же самое происходитъ у

¹⁾ Многие современные психологи часто говорятъ въ своихъ сочиненіяхъ о психическихъ фактахъ такъ, какъ бы они были совершенно раздѣлены одни отъ другихъ и по природѣ своей были радикально различны; какъ будто могутъ существовать аффективныя явленія, лишенныя всякаго интеллектуальнаго элемента, или интеллектуальныя явленія, не сопровождаемыя никакимъ аффективнымъ или двигательнымъ элементомъ! Не значитъ-ли это возвратиться къ теоріи, которую они блистательно опровергали и которая уподобляла душевныя способности маленькимъ независимымъ существамъ, дѣйствующимъ въ разграниченныхъ сферахъ? Въ дѣйствительности, и старинные психологи признавали этотъ законъ,—въ каждомъ состояніи сознанія сразу присутствуютъ чувствительность, мышленіе и воля: только посредствомъ абстракціи можно ихъ совершенно изолировать.

первобытныхъ народовъ. У человѣка разумаго и разсудительнаго аналогическіе факты, понятно, труднѣе поддаются наблюденію. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-какъ состоянія его сознанія вообще сложнѣе, то между входящими въ ихъ составъ элементами часто происходитъ борьба, которая ослабляетъ ихъ энергію; кромѣ того опытъ, показывая намъ опасности, могущія произойти вслѣдствіе независимаго проявленія нашихъ мыслей, мало-по-малу пріучаетъ насъ наблюдать за ихъ выраженіемъ и даже скрывать ихъ. Однако дѣйствіе идеи на наши органы все-таки остается реальнымъ, хотя и менѣе явственнымъ, доказательствомъ чего могутъ служить тысячи фактовъ, легко подлежащихъ провѣркѣ. Всѣмъ извѣстно дѣйствіе *головокруженія*. «Если величайшій въ свѣтѣ философъ,—говоритъ Паскаль,—будетъ стоять надъ пропастью на доскѣ болѣе широкой, чѣмъ нужно, то хотя разумъ и убѣждаетъ его въ безопасности, но воображеніе его возьметъ верхъ. Многіе не въ состояніи подумать объ этомъ безъ того, чтобы не поблѣднѣть и чтобы у нихъ не выступилъ потъ». Въ самомъ дѣлѣ, одинъ видъ пропасти вызываетъ въ насъ идею возможнаго паденія, и эта идея своей собственной силой тянетъ насъ упасть. Не менѣе убѣдителенъ знаменитый опытъ съ *маятникомъ* Шеврёля. Взявши въ руку маятникъ, мы замѣчаемъ, что достаточно думать о его возможныхъ движеніяхъ, чтобы тотчасъ онъ сталъ двигаться въ этомъ направленіи; даже болѣе: мы видимъ, что амплитуда его колебаній увеличивается, какъ только мы начинаемъ слѣдить за ними глазами, потому что внѣшнее впечатлѣніе усиливаетъ тогда живость нашего внутренняго представленія. Аналогическимъ дѣйствіемъ идеи или представленія на организмъ объясняются также движенія *уадывающей палочки* и *кружащихся столовъ*, которыми прежде столько занимались. Ожиданіе движенія—и

такъ какъ ихъ поза, ихъ привычныя жесты, игра ихъ фізіономіи могутъ дать намъ самая драгоцѣнныя указанія объ ихъ характерѣ. Мы можемъ теперь оборотить наше положеніе и сказать, что одинаковыя тѣлесныя движенія стремятся возбудить путемъ ассоціаціи одинаковыя умственныя состоянія. Общеизвѣстная истина, что принятіе нѣкоторыхъ позъ специально способствуетъ возбужденію извѣстныхъ мыслей: принять, наприим., положеніе человека размышляющаго или сердящагося значитъ заранѣе настроить себя на гнѣвъ или сосредоточенное размышленіе. Паскаль хорошо понялъ это: «Возьмите святой воды,—говорилъ онъ невѣрующимъ своего времени— и вы снова найдете вѣру». Въ самомъ дѣлѣ, внѣшніе признаки благочестія незамѣтно возбуждаютъ его въ нашемъ сердцѣ. Точно также мы знаемъ, насколько необходимость, обусловленная различными нашими занятіями, старательно слѣдить за нашими движеніями, словами, манерами—благотворно вліяетъ на ходъ нашихъ идей и складъ нашихъ чувствъ ¹⁾. Что касается до послѣдней причины

1) Неразрывная связь движенія съ идеей доказывается самымъ остроумнымъ образомъ опытами д-ра Люиса (Luys) надъ дѣйствіемъ намагниченныхъ вѣнцовъ при лѣченіи нервныхъ болѣзней. Эти вѣнцы состоятъ изъ криволинейной стальной пластинки, охватывающей $\frac{4}{3}$ окружности головы, къ которой она прикрѣплена ремнями. И вотъ „когда вѣнецъ помѣщенъ на головѣ субъекта, пораженнаго гемиплегіей, то происходитъ *ipso facto* магнетическій обмѣнъ между токами расходящимися изъ головного мозга и намагниченнымъ вѣнцомъ. Послѣдній собираетъ и сохраняетъ магнетическое состояніе лежащаго подъ нимъ мозга, такъ что если, продержавши этотъ вѣнецъ на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, взять его и перенести на голову субъекта, находящагося въ гипнотическомъ состояніи, то происходитъ настоящій переносъ на разстояніи того гемиплегическаго состоянія мозга, которое сообщено вѣнцу, и послѣ нѣсколькихъ минутъ приложенія воспринимающій субъектъ, который долженъ находиться въ летаргіи, становится посредствомъ измѣненія личности, гемиплегиче-

этихъ различныхъ ассоціацій и ихъ большей или меньшей силы, то она заключается въ стремленіи нашей дѣятельности развиваться всегда преимущественно и съ наименьшимъ возможнымъ усиліемъ въ направленіи уже проложенныхъ ею путей. Она находится также въ тѣсной солидарности существующей между физическимъ и моральнымъ строемъ; дѣйствительно жизнь умственная и жизнь органическая не похожи, какъ ихъ изображаютъ нѣкоторые философы, на двѣ рѣки, волны которыхъ текутъ параллельно, не вліяя нисколько однѣ на другихъ; онѣ похожи скорѣе на два теченія, которыя вѣроятно никогда не смѣшиваются, но содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ одно другому, безпрестанно измѣняясь.

скимъ на ту же сторону, какъ и настоящій больной; жалуется, говоритъ такимъ же образомъ и представляетъ полную тождественность симптомовъ. При пробужденіи всѣ слѣды этой случайной гемиплегіи мгновенно исчезаютъ“. Этотъ опытъ доказываетъ преимущественно существованіе переноса мозговыхъ состояній. Слѣдующій опытъ доказываетъ, что есть также переносъ и психическихъ состояній, слѣдовательно, что одинаковыя движенія производятъ и одинаковыя состоянія сознанія. Вотъ въ чемъ онъ состоитъ. Д-ръ Люисъ приложилъ намагниченный вѣнецъ къ больной, страдавшей меланхоліей и подверженной устрашающимъ видѣніямъ. И вотъ, говоритъ онъ, „вѣнецъ, служившій для этой женщины, такъ аккумулялировалъ психическое состояніе, которымъ она была заражена, что когда черезъ нѣсколько дней послѣ ея ухода я помѣстилъ его на голову реагирующаго субъекта, то былъ очень удивленъ, видя, что этотъ человѣкъ подъ вліяніемъ измѣненія личности сталъ произносить тѣ же фразы, испытывать тѣ же страхи, какъ меланхолическая больная, и представилъ мнѣ такимъ образомъ доказательство дѣйствительнаго переноса и аккумуляціи, какъ въ фонографѣ, расходящихся тоновъ психическаго состоянія больной. Этотъ вѣнецъ, отложенный въ сторону и находившійся въ ящикѣ подъ ключомъ, по прошествіи восемнадцати мѣсяцевъ не потерялъ еще заключенныхъ въ немъ болѣзненныхъ токовъ и, будучи помѣщенъ на голову различныхъ лицъ выздѣлялъ еще тѣ же болѣзненные раздраженія“ (*La Science moderne*, 14 ноября 1893).

V.—Изъ этого простого изложенія нѣсколькихъ законовъ слѣдуетъ, что мы подчинены нѣкотораго рода фізіологическому и умственному автоматизму, каковы бы при этомъ ни были роль и значеніе воли; этотъ-то автоматизмъ мы и желаемъ изучить ближе, анализируя явленія внушенія въ его различныхъ видахъ. Затѣмъ мы поставимъ вопросъ, какія педагогическія слѣдствія должны быть выведены изъ этихъ анализовъ и какія примѣненія можно изъ нихъ сдѣлать при воспитаніи дѣтей?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О самовнушеніи.

Различныя значенія слова „внушеніе“: Опредѣленіе.—I. О самовнушеніи.—II. Его причины: вліяніе организма.—III. Вліяніе чувствительности.—IV. Вліяніе воображенія.—V. Вліяніе воли.—VI. Главнѣйшіе результаты дѣйствія самовнушенія на наши способности: ошибки памяти и сужденія, бредъ преслѣдованія, воображаемыя болѣзни, измѣненія личнаго сознанія.

Терминъ *внушеніе* (*suggestion*), который прежде употреблялся (во французскомъ языкѣ) исключительно въ смыслѣ дурныхъ совѣтовъ ¹⁾, въ наше время получилъ болѣе широкое значеніе. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, онъ можетъ быть примѣненъ не только ко всѣмъ извнѣ получаемымъ настроеніямъ, каковы бы они ни были, но и ко всѣмъ психологическимъ явленіямъ, такъ что его слѣдовало бы употреблять для обозначенія, „какъ простаго воспріятія, такъ и самыхъ благородныхъ созданій, артистическихъ и соціальныхъ ²⁾“. Понятно, что сдѣлавшись столь общимъ, терминъ этотъ потерялъ всякую опредѣленность; понятно также, что психологи, заботящіеся о ясности языка, составляющаго необходимое условіе ясности мысли, возбудили протесты противъ злоупотребленія этимъ словомъ. Протесты эти тѣмъ болѣе

¹⁾ См. *Dictionnaire de l'Academie française* и *Dictionnaire de M. Littré*.

²⁾ См. Schmidkunz, *Psychologie der Suggestion*.

законны, что оно замѣстило безъ всякой необходимости другія слова, очень ясныя и для всѣхъ понятныя, не внесло съ собой никакого новаго свѣта, и что оно часто служитъ только для замаскированія незнанія тѣхъ, кто употребляетъ его какъ послѣднее средство, въ виду фактовъ, причина которыхъ имъ неизвѣстна. Въ самомъ дѣлѣ мы никогда не должны забывать, что слово само по себѣ ничего не объясняетъ, и что недостаточно назвать предметъ, чтобы сдѣлать его понятнымъ. Поэтому терминъ внушеніе будетъ имѣть дѣйствительную научную цѣнность лишь тогда, когда будетъ указано, какъ требуетъ Вундтъ, «какіе элементарные психическіе процессы предполагается объединить и обозначить этимъ словомъ» ¹⁾. По этой причинѣ тотъ же философъ требуетъ, чтобы смыслъ этого слова былъ ограниченъ и, по нашему мнѣнію, онъ ставитъ его въ правильныя границы, признавая за результаты внушенія «лишь тѣ, вызванныя въ насъ, состоянія сознанія, которыя достаточно сильны, чтобы противостоять, по крайней мѣрѣ временно, противоположнымъ состояніямъ сознанія, стремящимся ихъ разрушить. Такимъ образомъ, мы со своей стороны опредѣлимъ внушеніе такъ: это есть извнѣ навѣянное вѣрованіе, дѣйствительные мотивы котораго ускользаютъ отъ насъ, и которое съ большею или меньшею силой само собою стремится къ осуществленію въ дѣйствительности ²⁾. Такъ какъ, согласно этому опредѣленію, внушеніе представляетъ различныя формы, смотря по вызывающимъ его причинамъ, то мы сначала займемся изученіемъ формъ,

¹⁾ Вундтъ. *Гипнотизмъ и внушеніе*. Русскій переводъ Н. Колубовскаго. М. 1893, стр. 36 и слѣд.

²⁾ Г. Гюйо также опредѣляетъ внушеніе какъ „введеніе вѣрованія, которое имѣетъ практическое значеніе и реализуется само собою“ (*Education et hérédité*, стр. 17. Paris, F. Alcan).

проявляющихся тогда, когда причина внушенія лежитъ въ насъ самихъ и когда оно собственно заслуживаетъ названіе *самовнушенія*.

I. — Явленія, обозначаемыя нами здѣсь подъ этимъ общимъ названіемъ, бываютъ иногда такъ удивительны и вліяніе ихъ на жизнь такъ велико, что моралисты уже давно охотно ихъ описывали. Чтобы ясно понять ихъ природу и существенные ихъ признаки, рассмотримъ, что происходитъ съ нами, когда, задумавшись, мы останавливаемъ на мгновеніе нашъ взглядъ на рисункахъ какой-нибудь ткани, цвѣтахъ на занавѣси, архитектурныхъ арабескахъ. Съ перваго раза нѣтъ никакой разницы между впечатлѣніемъ отъ этихъ предметовъ и нашими обыкновенными впечатлѣніями, но скоро, какъ бы подъ невидимымъ дѣйствіемъ чудеснаго волшебника, картина преобразается: новые образы возникаютъ передъ нашими глазами: этотъ цвѣтокъ изображаетъ лицо, эти точки блестящіе глаза... и эта иллюзія иногда бываетъ такъ сильна, что и послѣ, при возобновленіи перваго впечатлѣнія, снова происходятъ тѣ же превращенія. Многимъ извѣстно по опыту, что они не могутъ даже послѣ долгаго отсутствія увидеть такую-то скалу въ ихъ горахъ, чтобы тотчасъ передъ ихъ глазами не нарисовался силуэтъ великана, котораго ихъ дѣтское воображеніе видѣло въ ней раньше. Такія же преобразованія, какія происходятъ съ нашими впечатлѣніями, могутъ происходить и съ нашими чувствами и идеями. Подобно тому, какъ сейчасъ казалось, что линіи и цвѣта измѣняютъ свое первоначальное назначеніе, складываясь въ другой образъ, дѣлающійся все болѣе опредѣленнымъ, также и наши идеи, хотя бы онѣ и были различны, болѣе и болѣе примѣняются къ сужденіямъ, которымъ ранѣе онѣ, казалось, противорѣчили. Тогда посредствомъ болѣе или менѣе быстрого, но обыкновенно безсознательнаго процесса